

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИИ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Максим Шишков

Санкт-Петербургский государственный университет

Резюме. В статье на материале рассказа А. П. Чехова «Студент» показаны принципы лингвокультурологического анализа художественного текста с целью его интерпретации в иностранной аудитории. Помимо традиционного комментирования ключевых слов, несущих лингвокультурную информацию, предлагается обращаться к лингвокультурологическому потенциалу структуры текста.

Keywords: A. P. Chechov's short story "The Student", linguistic and cultural analysis, text structure, presentation in the foreign audience

Знакомство иностранных учащихся с русской культурой начинается с первых дней изучения русского языка, но увидеть ее богатство и глубину становится возможно лишь в ходе чтения и размышления над произведениями классической русской литературы.

В формировании русской культуры большую роль сыграло православное христианство: именно оно приводит к появлению на русской почве особой — русской — духовности, которая, как отмечает В. В. Колесов, есть «творческое проявление высшего Духа в душе отдельного человека, которое формирует цельность личности в единстве чувства, ума и воли» (Колесов, 1999: 173). Эти три составляющие личности — три концепта русской культуры — можно увидеть и в произведениях классической русской литературы, отражающей философские взгляды русских писателей-мыслителей. Вопреки существующему стереотипу, русская философия, основной формой которой было воплощение в художественной литературе, не занимается исключительно вопросами этическими, в ней есть и гносеология, и логика, и эстетика (см.: Лосский, 1991).

В связи с этим художественный текст всегда обладает большим объемом лингвокультурологически значимой информации, которая может выявляться на разных уровнях исследования текста. Лингвокультурологов чаще всего интересует лексическое наполнение текста (в силу наибольшей представленности культурологической информации на лексическом уровне) и возможнос-

ть выхода на концептуальную структуру текста. Однако представляет интерес и лингвокультурологический потенциал структуры текста.

Цель данной статьи — показать возможности разноуровневого лингвокультурологического анализа рассказа А. П. Чехова «Студент». Сразу необходимо оговориться, что глубина комментирования и анализа текста на уроке будет различной на разных этапах изучения русского языка: в зависимости от уровня владения языком и знакомства с русской культурой идет последовательное «наращение» объема лингвокультурной информации, которую можно проанализировать вместе со студентами.

Можно выделить следующие уровни анализа рассказа А. П. Чехова «Студент»:

- выделение и комментирование лингвокультурных маркеров в рассказе;
- лексические средства формирования структуры текста в их взаимосвязи;
- анализ структуры текста рассказа;
- сопоставление структуры текста рассказа со структурой прецедентных текстов, к которым обращается автор.

Первое знакомство с текстом рассказа требует выделения и комментирования лексических единиц, несущих лингвокультурную информацию, без знания которой невозможно адекватное прочтение текста. Рассказ «Студент», как и многие тексты классической русской литературы, апеллируют к библейской истории. Евангельский сюжет в тексте может рассматриваться с точки зрения лингвострановедения (комментирование прецедентных имен и высказываний) и лингвокультурологии (анализ прецедентных имен и ключевых концептов текста в связи с культурными особенностями, влияющими на их функционирование).

Лингвокультурные маркеры, организующие сюжетную линию текста, связаны с двумя сферами. Это, во-первых, тематическая группа, описывающая церковный обиход (духовная академия, дьячок) и особые церковные дни и службы (Страстная пятница, двенадцать Евангелий, Пасха и др.). Во-вторых, группа прецедентных имен и ситуаций библейского происхождения (апостол Петр, Иуда, моление о чаше, предательство Иуды, отречение Петра и др.).

Характеристика прецедентных имен и ситуаций может даваться по разным моделям. Представим один из вариантов описания прецедентного имени библейского происхождения, учитывающего набор следующих параметров: краткая характеристика персонажа, носившего имя, ссылки на основные части текста Священного Писания, характеристики, входящие в прагматическое значение имени, описание прецедентной ситуации и ее лексические маркеры, а также переход имени в нарицательное (с указанием значения и характеристики, в соответствии с которой имя перешло в нарицательное). Для примера рассмотрим упоминаемое в тексте имя «Иуда»:

Иуда (Иуда Искарот) — один из 12 учеников Иисуса Христа; был казначеем; предал Христа за 30 сребреников (монет); осознав свою вину, Иуда уда-

вился (повесился) (Ин. 6: 71; Мф. 10: 4; Мф. 26: 14; Мф. 27: 3 и далее; Деян. 1: 18, 25).

Характеристики Иуды, которые могут входить в состав прагматического значения имени: 'корыстный' (см. Ин. 12: 6), 'имеет нос крючком'.

Прецедентные ситуации, связанные с именем, — «предательство Иудой Иисуса Христа» (лексические маркеры: 30 с(е)ребренников, деньги, (братский) поцелуй; имя нарицательное — 'предатель'), «удавление Иуды на осине» (лексические маркеры: осина, удушение, петля, повеситься, виселица, сук).

В тексте Чехова мы видим описание прецедентной ситуации предательства: «Потом, ты слышала, Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал его мучителям». Помимо имени Иуды присутствует лексический маркер — глагол «поцеловал».

Имя апостола Петра имеет отчасти похожую структуру, но наполнено другими возможностями образования прецедентности: возможна опора на внутреннюю форму греческого слова *πέτρος* — 'камень', на прагматическое значение имени, представленное в Евангелии (Петр пылкий и добрый), а также на прецедентные ситуации: «отречение от Иисуса Христа» (лексические маркеры: двор, холод, костер, служанка, пение петуха), «апостол Петр у ворот рая» (переосмысленная цитата из Мф. 16: 19).

После комментирования группы прецедентных имен можно рассмотреть их в структуре текста.

Состав тематических групп подчеркивает связь евангельских событий со временем рассказа: действие происходит в Страстную пятницу, когда вспоминается предательство Иудой Христа и распятие Иисуса Христа.

Во втором абзаце рассказа появляется описание этого дня через упоминание традиции отказа от пищи: «По случаю Страстной пятницы дома ничего не варили, и мучительно хотелось есть». Строгий пост (с полным воздержанием от приема пищи) — не единственный отличительный признак Страстной пятницы. В церкви поется песнопение «Да молчит всяка плоть человека и ничтоже земное в себе да помышляет»: в этот день, как говорит архим. Иоанн Крестьянкин, каждый человек должен осознать себя преступником, причастным к смерти Христа, и поэтому естественное состояние раскаяния — в молчании. И именно с описания тишины начинается рассказ (Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, всё смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо (Здесь и далее выделено нами. — М. Ш.)).

Упоминание Страстной пятницы, с одной стороны, объясняет состояние природы, но с другой — ставит вопрос перед читателем: почему студент духовной академии в такой день на охоте, а не в церкви?

Без обращения к культурному контексту времени, когда создан рассказ, трудно объяснить этот парадокс. Т. Г. Леонтьева, описывая православную ку-

льтуру и семинарский быт конца XIX — начала XX века, отмечает «растущее равнодушие к вере в низах народа, духовные сомнения самих „пастырей“, невольно ставших главными общественно значимыми хранителями „национального духа“» (Леонтьева, 2001: 170). В связи с этим требуется лингвокультурологический комментарий, включающий представление о духовной академии, семинарии (бурсе), о семинаристах (бурсаках). Так вводится в рассказ тема предательства, предательства внутреннего.

Тема предательства веры звучит в рассказе Чехова при сопоставлении героем рассказа себя с апостолом Петром. Основанием для такого сопоставления служит церковное представление о том, что происходившее в Страстную пятницу совершается и сегодня. Лексически данное представление строится на описании ветра, проходящем через весь текст: характеристика пронизывающего ветра начинает рассказ, далее описываются мысли Ивана Великопольского о том, что «точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре», — всё это приводит героя к мысли о «неразрывной цепи событий». Многократные лексические повторы слов тематической группы, описывающей ветер и холод, формируют в тексте художественный концепт, объединяющий время и ветер в единое целое. В рассказе далее появляется костер, связывающий два временных плана: «Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, — сказал студент, протягивая к огню руки. — Значит, и тогда было холодно», — и далее: «...а работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял Петр и тоже грелся, как вот я теперь».

Размышления героя имеют глубокий философский смысл, так как затрагивают проблему сущности исторического процесса, о котором много писали религиозные философы конца XIX — начала XX века. Как отмечает Н. О. Лосский, с позиции русской религиозной философии, «весь исторический процесс сводится лишь к подготовке человечества к переходу от истории к метаистории» (Лосский, 1991).

Увидеть механизм связи двух времен в единый хронотоп, представленный в тексте, можно на основе анализа его структуры. В тексте выделяются следующие смысловые блоки:

А. «Предательство» И. Великопольского, цепь времен

Б. Вдовьи огороды | костер ап. Петра

В. Предательство ап. Петра

Б'. Слёзы вдовы

А'. Возвращение И. Великопольского, цепь времен

При сопоставлении смысловых блоков текста обнаруживается, что структура данного рассказа хиастична, что соответствует библейским принципам создания текста: у каждой части текста имеется параллельная часть, а в центре оказывается наиболее важный в смысловом отношении блок (о принци-

пах библейского параллелизма см.: Десницкий, 2007).

В центре рассказа находится сюжет, описывающий предательство апостола Петра. Стоит заметить важную деталь: центральный смысловой блок (Б — В — Б') обладает свойствами иконичности. На передний план выходит изображение дальнего события (библейская история), которое становится перед событием сегодняшним (Страстная пятница, беседа Ивана Великопольского с вдовами). То есть в тексте создается эффект обратной перспективы, который характеризует иконопись (об этом см.: Флоренский, 1999а, 1999б).

Следующий шаг лингвокультурологического анализа текста, который можно применить к рассказу «Студент», — рассмотрение структуры, отсылающей к композиционно-структурным принципам евангельского текста: это позволит нам соотнести наблюдения над лексическим составом текста со смысловой структурой, выявляющей наиболее значимые в концептуально-смысловом плане фрагменты текста. А. П. Чехов, обратившись к библейскому сюжету, невольно копирует само построение.

Рассмотрим структуру последних трех глав Евангелия от Марка (приведем в сокращении схему хиастической структуры, предложенную Дж. Брекком (Брек, 2006: 172)):

А (14: 1-) Праздник Пасхи (тема воскресения)

В (14: 3-9) Женщины приходят помазать Иисуса

С (14: 10-) Иуда предатель

Е (14: 17-26) Иисус предсказывает предательство одного из учеников

Ј (14: 66-72) Отречение Петра

Е' (15: 40-) Верные женщины у подножия креста

С' (15: 47) Верные женщины у гроба

В' (16: 1-4) Женщины приходят помазать Иисуса

А' (16: 5-8) Воскресение (пасхальная тема).

При сопоставлении структуры текста рассказа А. П. Чехова со структурой евангельского текста становится понятна роль еще двух героинь рассказа — двух вдов. В тексте они сначала предстают простыми слушателями, но в конце рассказа слёзы вдовы образуют очень важный блок в структуре данного текста: «Если старуха заплакала, то... потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра». Связь времен, о которой размышляет герой рассказа, соединяет в этот момент вдов и жен-мироносиц. Это же подчеркивает и структура текста. В Евангелии предательству и отречению учеников противопоставлены поступки верных жен, оплакивающих Христа у подножия креста, затем у гроба. В тексте А. П. Чехова вдовы сострадают Петру, сквозь время преобразуя своим страданием и душу студента Великопольского.

Завершается рассказ возвращением Ивана Великопольского в совершенно ином расположении духа, духовно обновленным («и чувство молодости,

здоровья, силы... и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла»).

Таким образом, в результате разноуровневого лингвокультурологического анализа художественного текста можно выявить в нем компоненты (как лексические, так и структурные), которые оказываются важны для адекватного понимания и интерпретации текста в иностранной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

- Брек, Джон, прот. (2006). *Хиазм в Священном Писании*. Москва: Обще-доступный Православный университет.
- Десницкий, Андрей. (2007). *Поэтика библейского параллелизма*. Москва: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея.
- Иоанн (Крестьянкин), архим. *Слово перед Плащаницей в Великий Пяток*.
- Колесов, Владимир. (1999). *Жизнь происходит от слова....* Санкт-Петербург: Златоуст.
- Леонтьева, Татьяна. (2001). *Православная культура и семинарский быт (конец XIX — начало XX в.)* Отечественная история. № 3. С. 170–178.
- Лосский, Николай (1991). *История русской философии* / Пер. с англ. Москва: Советский писатель.
- Флоренский, Павел, свящ. (1999а). *Иконостас*. Флоренский П. А., свящ. Сочинения: В 4 т. Т. 2. С. 419–527. М.: Мысль.
- Флоренский, Павел, свящ. (1999б). *Обратная перспектива* Флоренский П. А., свящ. Сочинения: В 4 т. Т. 3 (1). С. 46–98. М.: Мысль.

A. P. CHEKHOV'S SHORT STORY "THE STUDENT": LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS AND POSSIBILITIES OF PRESENTATION IN FRONT OF FOREIGN AUDIENCE

Abstract. In the article principles of linguistic and cultural analysis of fiction for the purpose of its interpretation in the foreign audience are presented on the on the material of A. P. Chekhov's short story "The Student". In addition to traditional comment of the key words that carry linguistic and cultural information, the author proposes to examine the linguistic and cultural potential of text structure.

Шишков Максим Сергеевич

Кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)
Email: max-shishkov@yandex.ru